

Владимир Гурвич
Последний бастион

«ИП Стрельбицкий»

Гурвич В.

Последний бастион / В. Гурвич — «ИП Стрельбицкий»,

Георгий Княгинин возглавляет оркестр «Возрождение». Ему сопутствует творческий успех, материальное благополучие, известность. Он доволен своей жизнью и ничего не желает в ней менять... Однажды его приглашают на радио поучаствовать в дискуссии на тему: «Музыка и деньги». Его оппонент Дина Наравлянская, проректор Музыкальной академии, известный искусствовед. Она обвиняет Княгинина в том, что он пользуется для личного обогащения творчеством великих композиторов, многие из которых жили в нищете. Но при этом плохо исполняет их произведения. Княгинин возмущен этими обвинениями, он полностью отвергает их. И не хочет иметь никаких дел с Наравлянской. Однако после передачи ее слова то и дело всплывают в памяти. У него возникает подспудное желание разобраться, насколько они соответствуют действительности. Он встречается с ней, не зная, что эта встреча перевернет всю его его жизнь.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Гурвич

Последний бастион

Посвящается Дине Курнарской

Глава первая

1.

Как всегда после репетиции Княгинин чувствовал себя усталым и опустошенным. А сегодня это ощущение было особенно сильным. Хотя нагрузки были самые обычные, даже немного меньшие, чем всегда. Он закончил минут на пятнадцать раньше, чем удивил своих музыкантов. Его оркестранты привыкли к тому, что он все делает строго по расписанию. Если занятие должно длиться два часа, оно будет длиться ровно два часа. Ни минуты больше, ни минуты меньше. Такой порядок Княгинин завел вскоре после того, как возглавил коллектив. Он считал, что если существует во всем строгая дисциплина, то так легче управлять людьми. Музыканты же народ не самый дисциплинированный в мире, если произведение им нравится, репетировать они могут часами, но только тогда, когда им вздумается, когда есть настроение. Он хорошо это понимает, потому что по природе сам такой. Но они не могут себе позволить подобную расхлябанность, график выступлений и гастролей очень жесткий. Как и конкуренция. Слава богу, они в последнее время, как говорит Струмилин, на коне, приглашения выступить так и сыплются. И не только в своей стране, но почти со всего мира. Иногда у него даже возникает желание отказаться от некоторой их части. Во-первых, это не идет на пользу их игре, не всегда удается до конца отработать произведения, так как хотелось бы ему. А во-вторых, такой напряженный распорядок жизни все же несколько выматывает. Постоянные перелеты, переезды, смена городов, континентов, часовых поясов выдержать не так уж и просто. В какой-то момент он окончательно понял, что это не совсем для него, ему все хочется более размеренной, спокойной жизни. А тут надо постоянно куда-то спешить. Он даже перестал осматривать новые города, это занятие потеряло для него интерес. А ведь в молодости он был заядлый путешественник, до самозабвения любил знакомиться с достопримечательностями. Но, по-видимому, в какой-то момент пресытился и предпочитал после концертов оставаться в гостинице. Даже не всегда посещал банкеты, которые давали хозяйка. По этой причине периодически ссорился со Струмилиным, который буквально тащил его на такие приемы. Чаще всего эти попытки ему удавались, но иногда Княгинин вдруг проявлял по выражению все того же финансового директора: «ослиное упрямство» и оставался в номере.

Княгинин и сам до конца не понимал, какая сила заставляла вести его таким образом. Вот уж кем он никогда не был, так это мизантропом. Хотя не был он и рубахой-парнем, душой компании, скорей всего он одинаково любил и одиночество, и шумное общество. Идеальный вариант, когда они чередовались, как день и ночь. Правда, в последние годы это было уже практически недостижимым; Княгинин как-то незаметно сделался публичной персоной. Передачи на телевидение и радио, интервью средствам массовой информации, фотографии на обложках глянцевого и даже не глянцевого журналов стали нормой его жизни. Изредка Княгинин задавал себе вопрос: нравится ли ему такая популярность, такой ажиотаж вокруг своей особы?

Княгинин читал о себе статьи, в которых вполне маститые музыкальные критики провозглашали его великим артистом, создателем одного из лучших в мире камерных оркестров. И хотя он знал, что многие эти публикации оплачены все тем же Струмилиным, но незаметно все более верил им. Тем более, его директор вел себя умно, покупал лучшие перья, которые создавали вполне профессиональные материалы. В них не было примитивного восхваления, чего Княгинин терпеть не мог. Струмилин это прекрасно знал и заставлял отраба-

тывать получаемые деньги наемных писак по полной программе – писать профессионально, аргументировано.

Впрочем, Струмилин был слишком умным, чтобы рассказывать ему о всех своих деяниях. Поэтому Княгинин далеко не всегда знал, оплачена ли статья или критик написал ее добровольно, восхищенный игрой оркестра. В ответ на его расспросы Струмилин обычно отвечал туманно. А иногда откровенно предлагал не лезть ему «в его епархию, каждый должен заниматься своим делом». На это заявление Княгинин обычно не возражал, так как считал его абсолютно справедливым. Он по профессии и по призванию музыкант и должен заниматься музыкой. А вот Володя прирожденный коммерсант и продюсер. Надо отдать ему должное, не будь его еще неизвестно, как сложилась бы судьба коллектива. Как бы ни был он профессионален и талантлив, без денег ничего не добиться. Это все равно, что роскошный лимузин, пока его бак не зальешь бензином, он все равно не поедет.

Впрочем, сейчас у Княгинина была все же реальная причина для недовольства своим директором. Больше всего ему хотелось отправиться домой и просто полежать на диване, смотря телевизор или читая книгу. Такие минуты безмятежного отдыха выдаются у него редко; как раз сегодня он имеет такую счастливую возможность. И все сорвалось! Струмилин вдруг объявил ему, что звонили из радиостанции и попросили поучаствовать в посвященном музыке прямом эфире. Княгинин попытался отказаться, сославшись на усталость, но директор пригвоздил его словами: «ты с ума сошел, это наш один из лучших информационных спонсоров». Но он все же попытался еще посопротивляться, предложив послать вместо себя первую скрипку оркестра Валерия Горегляда, но Струмилин немедленно отверг эту идею: «хотят только тебя, никого другого. У тебя будет какой-то крутой оппонент, некая Дина Наровлянская, по слухам дамочка с острым языком. Ты случайно с ней не знаком?»

Княгинин напряг память: кажется, он где-то встречал эту фамилию. Но больше она ему ничего не подсказала. Впрочем, ему хорошо известен этот тип около музыкальных дамочек, которых немало вертится в этой сфере. Он много раз сталкивался с ними в различных дискуссиях, ток-шоу. И почти всегда ему становилось неприятно от этого типа людей; их невежество может сравниться разве только с их апломбом. Неужели ему предстоит очередная такая пустая беседа? От одной этой мысли становится муторно на душе. Если его предчувствие сбудется, он не простит Владимиру, что тот заставил вместо приятного отдыха участвовать в этих бессмысленных склоках. И надо же было именно сегодня радиостанцией проводить этот прямой эфир. Других дней что ли нет.

Княгинин взглянул на часы: пора было отправляться на радиостанцию, Струмилин просил прибыть туда хотя бы за полчаса до передачи. Княгинин вышел на улицу, подошел к стоящей на стоянке машине.

– Толя, на радиостанцию, – приказал он, удобно устраиваясь на заднем мягком, кожаном сиденье.

2.

На этой радиостанции Княгинин выступал уже неоднократно. И потому хорошо знал и главного редактора и ведущего, который обычно вел с ним передачи. С точки зрения Княгинина он нередко городил чушь, но чушь в пределах нормы, которую можно было еще как-то стерпеть и даже слегка подкорректировать. В отличие от многих его коллег с радио и телевидения, которых так и хотелось обложить крепким словом по причине их полного, но почти всегда агрессивного невежества. По своей натуре Княгинин был подвержен вспышкам вспыльчивости, которая часто налетала на него, как ветер, внезапно. И ему не всегда удавалось их вовремя погасить. Особенно страдал он этими приступами в молодости. И многим доставалось от него. Но когда стал руководителем коллектива, то быстро понял, что если

себя не обуздает, то оркестр просто распадется. Никто терпеть его необузданный характер не станет. Особенно это стало ясно после ухода одного из ведущих музыкантов; Княгинин прилюдно накричал на него. Хотя, по сути он был тогда прав, музыкант филонил на репетициях, но по форме это выглядело неприглядно. Человек оскорбился и в тот же день подал заявление об уходе. Княгинин пытался его удержать, даже извинился перед ним, но не помогло, обида оказалась сильнее. Этот случай заставил его задуматься над своим поведением, как и над новым статусом руководителя. Так вести себя недопустимо, сделал он вывод, он должен раз и навсегда покончить с таким негативным проявлением своей натуры. Иначе погубит все дело. Да и вообще, порядочный, интеллигентный человек не может позволять себе подобных выходов. А он себя считает именно таковым. И поэтому как бы невежественны, как бы ни противны были ему ведущие, он ни разу не позволил себе по отношению к ним ни единого некорректного выпада. В глубине души он даже гордился этим своим достижением, хотя и отдавал себе отчет, что так должна вести себя любая нормальная личность. Впрочем, в современных условиях вести себя нормально и культурно уже считается большим достижением.

Княгинин поздоровался с ведущим. И только тут до него дошло, что он даже не знает о теме сегодняшней дискуссии. Струмилину не удосужилось его об этом известить, по-видимому, считая этот вопрос, не заслуживающий внимания; для такой аудитории он, как у этой радиостанции, Княгинин, способен говорить обо всем. В принципе так оно и было, он ни раз приезжал на передачу без всякой предварительной подготовки, импровизирую по ее ходу. И до сих пор успешно справлялся с этой задачей, более того, согласно проводимым опросам у него даже образовался свой кружок почитателей, которые ждали его выступлений и комментариев на о музыкальной жизни. Княгинин немного гордился такой популярностью, по крайней мере, она была ему приятна.

– О чем будем сегодня дискутировать? – поинтересовался Княгинин.

– А вы разве не знаете? – искренне удивился ведущий.

Княгинин почувствовал некоторую неловкость, в самом деле, не зная тему дискуссии за десять минут до начала прямого эфира не слишком красиво. На месте своего собеседника он бы обиделся.

Княгинин терпеть не мог оправдываться, но сейчас просто не было иного выхода.

– Прошу извинения, но весь день был заполнен под завязку. Узнал, что надо ехать к вам в самый последний момент.

То, что Княгинин говорил не совсем правду, а точнее, просто неправду вызвало у него неприятное чувство. Докатился до лжи, а все из-за Струмилины, вечно тот заставляет его делать то, чего он не желает.

Кажется, ведущий что-то почувствовал, он не то с сочувствием, не то с сожалением взглянул на Княгинина.

– Ничего страшного, бывает и хуже. Такое у нас случается нередко. А тема такая: влияние денег на классическое искусство.

Почему-то тема сразу же не понравилась Княгинину, в таких дискуссиях он еще не участвовал. Знал бы о ней заранее, непременно бы отказался. Деньги – это как раз епархия Струмилины, ему самое место принимать участие в таком разговоре. А он не любит говорить о них, хотя прекрасно осознает их значение для искусства и конкретно для своей деятельности. Он хорошо помнит первый период существования оркестра, когда приходилось экономить буквально на всем. В какой-то момент даже зашла речь о расформировании коллектива по причине нехватки средств. Вот тогда и появился, как черт из табакерки, нынешний финансовый директор их коллектива. Он пообещал исправить ситуацию за полгода. Княгинин тогда не поверил ему, он посчитал это невозможным делом. Но к его изумлению все так и произошло, примерно через шесть месяцев финансовое положение заметно улучшилось.

Княгинин не знал, как благодарить Струмилину, ведь тот снял с него тяжелейший крест. Теперь можно было вздохнуть свободно, с оптимизмом смотреть в будущее. А главное все силы посвятить музыке, а не материальным проблемам. А об этом дне столько мечтал и не верил, что он наступит. Но ведь наступил!

Эти мысли пронесли в голове Княгинина буквально в один миг. Но почему-то они ему не слишком понравились, хотя причину этого явления он не представлял. Мысли, как мысли, тем более, все так и было. И ничего плохого в том, что с какого-то момента оркестр стал хорошо зарабатывать, все стали жить лучше, нет. Только хорошее. Они же не воруют, не мошенничают, а зарабатывают деньги своим ежедневным и упорным трудом. А это самое главное.

– А где же мой оппонент? – поинтересовался Княгинин.

Ведущий огляделся вокруг себя.

– Совсем недавно была тут, – ответил он. – Скорей всего, пошла в буфет выпить кофе. Она его очень любит и всегда пьет перед эфиром.

– То есть, она бывает у вас часто?

– Не очень, но периодически приглашаем. Ее эфиры вызывают большой резонанс, слушатели звонят, пишут, хотят, чтобы она выступала бы почаще. Но не всегда получается, она часто отказывается.

– Вот как! – Княгинин к своему изумлению почувствовал себя уязвленным. Это обстоятельство его удивило, ведь он даже никогда не видел раньше этого человека. Откуда же вынырнуло такое чувство? Прямо загадка. – И почему эта дама отказывается?

– Этого я не знаю, возможно, не хватает времени. Или это происки наших конкурентов, она же и на телевидении выступает.

– Что-то не припомню программ с ее участием.

– Есть, я сам видел, – уверил ведущий. – А вот и она.

Княгинин стремительно обернулся. К нему приближалась женщина средних лет, довольно высокая, с хорошей фигурой. Ее лицо нельзя было назвать красивым, но оно привлекало своей неповторимой индивидуальностью. Увидев его раз, запомнишь надолго, отметил про себя он.

Княгинин решил, что как мужчина он должен первым проявить инициативу знакомства. Он сделал в ее сторону шаг.

– Добрый вечер! – поздоровался он. Почему-то он вдруг пожалел о том, что одет в самый обычный рабочий костюм, даже без галстука. Он вообще не так много думает об одежде и подчас одевается не лучшим образом. Не случайно жена неоднократно указывала ему на этот его недостаток. – Рад с вами познакомиться. Княгинин Георгий Валентинович, руководитель оркестра: «Возрождение».

– Я прекрасно вас знаю, Георгий Валентинович, – улыбнулась женщина. – Меня зовут Дина Константиновна Наровлянская. Я проректор Музыкальной Академии. Может, вам известно наше учебное заведение?

– Прекрасно известно, – подтвердил Княгинин. – У нас в оркестре работает ваш выпускник, скрипач Виктор Буренин. Очень перспективный музыкант.

– Я хорошо помню его, читала, в том числе и ему лекции. Он отличался тем, что сильно интересовался историей и психологией музыки. Среди сегодняшних студентов такое встречается не часто. А очень жаль, без этих предметов сложно стать настоящим музыкантом, исполнителем.

– Вы действительно так считаете, – удивился Княгинин. – А я всегда был уверен, что главное – это талант.

– На самом деле никто не знает, что главное, – возразила Наровлянская. – Талант вовсе не гарантия того, что музыкант добьется высот. Многие талантливые люди не оправдывали надежд. А как вы думаете, почему?

Но ответить Княгинину не позволил ведущий.

– Господа! Через пять минут начало эфира. Пройдемте в студию.

Они вошли в знакомую Княгинину студию. А эта дамочка весьма самоуверенна, думал он, поглядывая на нее. Много о себе думает. Надо непременно узнать о ней побольше.

Княгинин вдруг поймал себя на том, что будет доволен, если в предстоящей дискуссии одержит вверх. Обычно он не обращал на этот аспект почти никакого внимания; какая разница, кто победит. Все надо доказывать на концертах, а разговоры можно вести бесконечно. Человек вообще излишне разговорчивый биологический вид. И есть прямая зависимость между тем, сколько он болтает и сколько делает. Обычно те, кто много работают языком, плохие или в лучшем случае недостаточно хорошие профессионалы. Это его личное наблюдение. Хотя, как это и положено, из общего правила всегда есть исключение, но они лишь подтверждают общую закономерность.

– Тридцатисекундная готовность, – провозгласил ведущий. Все замерли в ожидании, когда пролетят последние мгновения. – Начинаем. – Ведущий по очереди посмотрел на участников передачи. – Сегодня в нашей традиционной рубрике «Дискуссия о музыке» речь пойдет о весьма необычной теме. Мы ее назвали: деньги и классическая музыка. Почему именно классическая, думаю, понятно. В поп-музыке этот вопрос настолько очевиден, что вряд ли он стоит отдельного обсуждения. А вот как обстоит в святая святых, в нашей классике? Какую роль играет презренный металл там? Подчинили ли деньги себе всю эту сферу, как они сделали с другими сферами? Или там они играют иную роль, не обладают столь всеохватной властью? И как они влияют на само искусство? Вот примерно о чем мы будем говорить. Представляю участников нашей встречи...

Пока ведущий произносил свой монолог, Княгинин не спускал глаз со своего оппонента. Наровлянская же, казалось, не обращала на него внимания, по ее лицу было заметно, что она поглощена своими мыслями. Почему-то такое невнимание к собственной персоне обижало его, все же он очень известный музыкант, причем, во всем мире. А вот эту даму мало кто знает даже в своей стране.

– Георгий Валентинович, что вы думаете по поводу денег в классическом искусстве? – прервал его мысли своим вопросом ведущий.

От неожиданности Княгинин даже вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Знаете, я прекрасно понимаю актуальность этой темы в наше время. Но с моей точки зрения, она не столь важна, как многим кажется. Музыканты такие же люди, как и все, и они работают за деньги. А что вы хотите, у большинства из них семьи, которые надо содержать. Да и одинокие люди тоже хотят кушать, потреблять другие блага. Поэтому деньги являются необходимым, и я бы сказал, неизбежным атрибутом нашей профессии. Мне даже неудобно говорить подобные банальности, но раз тема поставлена, вынужден их произносить. Но вот что я бы хотел донести до наших слушателей, что, на мой взгляд, характерно, прежде всего, именно для классической музыки. Те, кто пришли в нее по призванию, по неудержимому зову будут так же заниматься своим делом и при самых минимальных доходах. А многие даже и бесплатно. Потому что они в каком-то смысле не властны над собой, музыка звучит в их душах едва ли ни двадцать четыре часа в сутки. Я считаю, что по большому счету исполнение музыкальных произведений – это не совсем профессия или точнее сказать не только профессия, это призвание. А призвание и есть судьба. Поэтому при всей важности дензнаков, как говорят в некоторых кругах, для нас, исполнителей, а еще лучше сказать, интерпретаторов творений музыкальных гениев, они никогда не будут играть ведущей роли. Надеюсь, я ясно сформулировал свою позицию.

– Да, несомненно, Георгий Валентинович, вы выразились предельно ясно. А что скажет наш второй гость, Дина Константиновна? Согласны ли вы с утверждениями вашего оппонента?

Впервые с начала передачи взгляд Наровлянской на пару секунд остановился на Княгинине.

– Я с интересом выслушала мнение уважаемого Георгия Валентиновича. Я бы с большим удовольствием подписалась под его словами.

– Что же вам мешает? – поинтересовался ведущий.

– В общем, по нынешним временам пустяк, они не соответствуют действительности.

– Пожалуйста, поясните.

– Я достаточно хорошо знакома с закулисным нашим музыкальным классическим искусством. И могу с уверенностью сказать, что деньги полностью им управляют. Да, есть исключения, но они бывают везде и всегда. И, как я понимаю, ни о них речь. Их разлагающее влияние самым непосредственным образом воздействует на качество исполнения. Разумеется, не в лучшую сторону.

– Не согласен! – не удержался от реплики Княгинин.

– Я часто посещаю концерты и потому знаю, что говорю. Качество исполнения неуклонно падает. В том числе это касается и вашего оркестра. Буквально на днях я слушала ваше выступление.

– Что же вы слушали? – Княгинин ощутил, как нарастает в нем враждебность к этой женщине. Не слишком ли она самоуверенна в своих суждениях? Не мешало бы ее проучить, сбить спесь.

– Я слушала увертюру «Эгмонт» Людвиг Ван Бетховена. Скажите, Георгий Валентинович, вам известна история создания этого произведения, чему оно посвящено?

– Вы еще спросите, а известен ли мне кто такой Людвиг Ван Бетховен?

– Возможно, и спрошу. Так вот, история, положенная в основу музыкального произведения, одновременно героическая и трагическая. В ней рассказывается о судьбе графа Эгмонта, который погибает за свое дело – достижение независимости от испанцев, но его соратникам удается заставить оккупантов признать ее. Я понимаю, как трудно совместить такие две линии. Но в этом и заключается искусство исполнения. Как вы знаете, Георгий Валентинович, увертюра начинается медленным вступлением. Как и в «Патетической сонате», здесь даны две резко контрастные темы. Первая из них, аккордовая, звучит торжественно, властно. Низкий регистр, минорный лад придают ей мрачную, зловещую окраску. В оркестре ее исполняют струнные инструменты. Вторую тему «запевает» гобой, к которому присоединяются другие деревянные духовые инструменты, а затем и струнные. Это очень трудный момент; как в одном звучание показать две интонации. И у вас я этого не увидела, все звучит как-то одинаково. А это не соответствует замыслу композитора. Да и в целом увертюра в вашем исполнении исполняется чрезмерно сладковато, между тем, главная партия имеет волевой, героический характер. Она изложена в фа миноре. Сила и энергия ее постепенно возрастают. А что у вас, она становится все более приторной. Где-то в середине мне захотелось уйти.

– Так ушли бы, желания надо выполнять, – язвительно произнес Княгинин.

– Некоторые, между прочим, покинули зал. Ни я одна ощутила эту фальшь интерпретации, чрезмерную и ничем неоправданную приторность исполнения. Но меня в данном случае волнует даже не это, в конце-то концов, не вы одни исполняете это произведение, можно послушать другой оркестр. Меня взволновало другое, почему так получилось, что такой известный дирижер и руководитель оркестра, как вы, так извратили, я бы даже сказала, упростили свое исполнение?

– И почему же?

– Думаю, ответ на этот вопрос имеет прямое отношение к теме нашего сегодняшнего разговора. Игра человека отражает внутреннее состояние его души, как он живет, что думает, чувствует, делает. Это некий концентрат, хотя многие этого не осознают. И если внутри сплошное благополучие, если музыканта переполняет довольство от своей жизни, то он даже самое трагическое произведение будет исполнять, словно популярный шлягер. Так оно и часто происходит.

– Ни за что и никогда не соглашусь с вами! – воскликнул Княгинин. – Возможно, наше исполнение увертюры было не идеально, но сравнивать его с пошлым шлягером, это, извините, кощунство. Я настаиваю на этом слове. Не только я. но и все мои оркестранты вкладывали в исполнение душу.

– Возможно, – согласилась Наровлянская. – Другое дело, чем заполнена эта душа. В силу своих профессиональных занятий я приблизительно знаю уровень вашего дохода, Георгий Валентинович. Знаете, меня давно поражает одна вещь: многие композиторы прожили материально очень тяжелую жизнь, некоторые просто бедствовали, закончили жизнь как самые настоящие нищие. А теперь музыканты исполняют произведение этих гениальных бедолаг, зарабатывают на этом огромные деньги, да еще откровенно занимаются профанацией. Вместо того, чтобы подниматься на их уровень, опускают эти творение до своего уровня. И при этом чувствуют себя абсолютно довольными, уверенными, что исполняют их мастерски. А все потому, что так им удобно думать, нет претензий к самим себе. А это главное в их жизни, если не беспокоит совесть, им кажется, что они все делают правильно. А совесть их не беспокоит потому, что она подкуплена высокими гонорами.

Княгинину понадобилось какое-то время, чтобы найти ответ. К такому уколу от этой дамочки, как мысленно вдруг с какого-то момента стал называть ее он, не был готов.

– Это крайне субъективный взгляд на ситуацию, – произнес он. – Не могу говорить от имени всего нашего цеха, но за себя ручаюсь: я всегда стараюсь как можно глубже проникнуть в замысел композитора и передать его во всех красках. Другое дело, как это реально получается, тут могут быть разные точки зрения. Госпожа Наровлянская придерживается определенных воззрений на исполнение нашим оркестром, но могу привести статьи очень маститых музыкальных критиков, которые придерживаются прямо противоположной позиции.

Наровлянская пожала плечами.

– Не сомневаюсь, сама читала некоторые из этих статей. Но в таком случае следовало бы их приглашать на передачу. А раз пригласили меня, то извольте слушать мое мнение. Вот я его и высказала. А если оно вам не понравилось, то ничего не могу с этим сделать. Я не обещала никому говорить только приятное. Иначе не стала бы принимать участие в таком разговоре. Надеюсь, наш уважаемый ведущий это подтвердит, что подобных договоренностей у нас с ним не было.

– Разумеется, Дина Константиновна, это так, у нашего микрофона каждый говорит то, что считает необходимым.

– Вот видите, Георгий Валентинович, я была права.

– В этом вопросе, да, но по сути обсуждаемой темы нет. И никогда с вами не соглашусь. Работа настоящего музыканта – это служение музам и при этом каторжный труд. Каждое произведение требует огромной душевной самоотдачи, это только внешне кажется, что все это не сложно, что оркестр как будто бы играет сам по себе. А ни что не дается так трудно, как слаженность. И не просто слаженность, это только полдела, музыка должна выражать замысле ее творца. А он подчас бывает сокрыт, как великая тайна. Проникнуть в ее и есть искусство.

Княгинин гордо посмотрел на Наровлянскую, но она не обратила ровным счетом никакого внимания на его торжество. По крайней мере, ему показалось, что она занята совсем другими мыслями далекими от темы обсуждения.

– К сожалению, наше время закончилось, – произнес ведущий. – Я благодарю участников передачи за интересный разговор. Понятно, что тема далеко не исчерпана, но я надеюсь, что как-нибудь мы еще вернемся к ней.

Все встали и покинули студию и перешли в другое помещение. У Княгинина внезапно пересохло горло, ему очень захотелось попить. Он нашел бутылку с водой, откупорил ее и жадно приник к горлышку. Даже странно, что у него возникла такая сильная жажда, мысленно отметил он.

Княгинин выпил всю бутылку, бросил ее в мусорное ведро и оглядел помещение. И обнаружил, что Наровлянской в нем уже нет. А ему так хотелось продолжить их диалог; даже несмотря на выпитую воду, он еще не остыл до конца от него.

– А где Дина Константиновна? – спросил он у ведущего.

– Она сразу же ушла, – ответил ведущий.

– Жаль, – пробормотал Княгинин. – Я тоже пойду. Спасибо, что пригласили.

– Значит, еще придете? – поинтересовался ведущий.

– А как же, на ваших передачах много чего неожиданного о себе узнаешь.

3.

На город спустился вечер, который озарился мириадами разноцветных огней. Сидя на заднем мягком сиденье автомобиля, облокотившись, как он любил, о подушку, Княгинин смотрел по сторонам. Ему нравилось ездить в эти часы, несмотря на обилие пробок, он не ощущал дискомфорта. Наоборот, можно было даже немного передохнуть от повседневной суеты, подумать, проанализировать то, что происходило днем. Нередко именно сидя в машине, к нему приходили многие плодотворные идеи о том, как исполнить то или иное произведение. Он даже стал немного суеверным; если в эти минуты его не посещало откровение, то повышались шансы на то, что он так и не найдет нужного решения. В реальности все было немного иначе, решения обычно находились и в других ситуациях. И все же эта мысль прочно засело в его голове, и он старался с максимальной пользой использовать свои поездки.

Но сегодня мысли Княгинина двигались совсем в ином направлении. Из головы никак не желал выходить только что завершившийся эфир. А точнее его участница. Эта дамочка, если отбросить эвфемизмы, по сути дела открыто обвинила его в пренебрежении своим профессиональным уровнем, что он играет исключительно за деньги, и что ему нет никакого дела до святого искусства, если оно не приносит барыши. Говорить такое о человеке, который всю свою сознательную жизнь посвятил пропаганде музыки, который создал, как признают подавляющее большинство критиков, один из лучших отечественных оркестров, который достойно способен конкурировать с самыми знаменитыми в мире коллективами. С ее стороны это либо наглость, либо вопиющее дилетантство. Да и что еще можно ожидать от подобных особ. Кто ее знает, кому она известна? Это же совсем не случайно, что до сегодняшнего дня он даже не слышал ее фамилию. А ведь он знаком, в том числе лично со многими известными музыковедами. А вот с ней нет. Скорей всего она самозванка, в жизни он не раз сталкивался с подобными типами. Что из того, что она проректор Музыкальной Академии, вспомнил Княгинин об ее статусе, это еще ни о чем не говорит. Может, она там по хозяйственной части.

Княгинин вспомнил эпизод, который случился с ним несколько лет назад. Он участвовал в схожей передаче, а его оппонентом тоже был проректор одного известного учебного

заведения. Человек был настолько несведущ в теме дискуссии, что Княгинин даже растерялся; о чем можно говорить с ним? У него даже возникло намерение потребовать завершить эфир раньше времени или уйти с него.

Помня о просьбе Струмилина, он тогда не сделал ни того, ни другого, но был сильно возмущен. И после завершения передачи потребовал от руководства радиостанции объяснить, как этот субъект попал на нее. Те сами не имели понятия, только могли сказать, что по какой-то причине в самый последний момент произошла замена участника. На этом Княгинин не успокоился, он пожаловался своему финансовому директору на то, что случилось. Тот выяснил, что этот человек действительно занимает должность проректора, но только к музыке она не имеет никакого касательства, потому что он занимался исключительно хозяйственными вопросами.

Узнав это, Княгинин долго не мог решить: негодовать ему или смеяться. В конце концов, принял решение отнестись к случившемуся с иронией. Вот и сейчас он попытался тоже начать иронизировать. Но почти сразу почувствовал: не получается. Этот проректор явно была совсем другая, она в отличие от того, хорошо понимает, о чем говорит. Как тонко она проанализировала увертюру «Эгмонт». Так что приходится признавать, что ее суждения вполне профессиональны и оригинальны. А потому отмахнуться от них, как от назойливой мухи, скорей не получится.

Это признание совсем не обрадовало Княгинина, он бы предпочел, чтобы и на этот раз повторился бы первый «хозяйственный» вариант. Тогда на самом деле он быстро успокоился и забыл о нем, как о пустяшном недоразумении. А сейчас его не отпускает предчувствие, что все так просто не завершится. Слова этой Наровлянской никак не выходят из головы, несмотря на сильное желание выбросить их побыстрее и подальше. А главное он ощущает, что по-настоящему задет ее высказываниями. Она усомнилась едва ли не в самом главном – в его искренности и верности своему призванию. Вместо этого утверждает, что им движет исключительно жажда к наживе. Нет, нет и еще сто раз нет! Он известен музыкальному миру как один из самых бескорыстных художников. И не какому-то там безвестному проректору обвинять его в сребролюбие. Еще надо посмотреть, как она себя ведет в этом вопросе.

Княгинин на секунду задумался. А ведь совсем будет не лишним поинтересоваться этим вопросом. Непременно он спросит у Струмилина, тот все и обо всех знает. В таких делах он настоящий энциклопедист. Нет сомнений, что и об этой Наровлянской у него есть полезная и исчерпывающая информация. Так, он и поступит.

Принятое решение позволило снизить то напряжение от эфира, которое он все еще продолжал ощущать. Княгинин откинулся на кожаную спинку сиденья. Теперь можно даже немного подремать, до дома еще ехать с учетом пробок примерно полчаса. Он закрыл глаза.

Проснулся Княгинин от того, что его личный шофер Анатолий коснулся его плеча.

– Георгий Валентинович, приехали, – сказал он.

– Спасибо, Толя, – поблагодарил Княгинин. – Можешь быть свободен. А завтра, как обычно.

Он вышел из автомобиля и направился к входу в дом. Внезапно остановился, сделал несколько шагов назад и внимательно, словно видел впервые, поглядел на свой особняк. Трехэтажное строение с подсобными помещениями, с небольшим бассейном и беседкой поблизости смотрелось более чем внушительно. Не случайно же практически все гости восторгались этим его семейным гнездом. Да, восхищаться есть чему, особенно, если еще вспомнить, сколько это все стоило.

И что это он вдруг вспомнил об этом? невольно пронеслось в голове. Все деньги заработаны честным трудом. Он может отчитаться за каждую копейку. Ему не в чем себя упрекнуть.

Княгинин решительным шагом вошел в дом.

4.

К нему навстречу вышла жена.

– Жорик, ты где задержался, мы тебя давно ждем, за стол не садимся. Твой телефон молчит.

Только сейчас Княгинин вспомнил, что по просьбе ведущего перед эфиром он выключил телефон, а затем забыл включить. Конечно, она не могла дозвониться.

– Я был на радиостанции, участвовал в дебатах. Забыл включить телефон.

– Это с тобой не в первый раз, – наставительно произнесла жена. – Пойдем ужинать, дети проголодались, но без тебя не хотят начинать.

Княгинин почувствовал, что растроган. Все же у него замечательная семья, хотя это не означает, что в ней все гладко. Но ведь так и не бывает, успокоил он себя мыслью.

Вместе с женой он вошел в столовую.

Это была весьма просторная комната, ее обставляла жена в соответствие со своим вкусом. Когда они строили дом, то распределили между собой, кто какие помещения и покои будет обставлять. Те, что достались Зинаиде, блистали золотом, яркими красками и барочной мебелью из редких пород деревьев. Те, что достались ему, были оформлены в спокойные тона, мебель была простая, зато функционально удобная.

Княгинин знал, что жене не нравилась та часть дома, которую он обставлял, она считала эти комнаты безвкусными, он же придерживался прямо противоположного мнения. Но в дискуссии предпочитал не вступать, полагая, что согласие в этом вопросе им все равно не достичь. Да если и достигнут, то оно скорее будет притворным, чем истинным.

За столом сидели дочь Виолетта, и сын Павел. Появление отца их явно обрадовало. Правда, как подозревал Княгинин, это было больше связано с тем, что отпадали препятствия к началу ужина, а не то, что они видят отца.

Он и жена заняли свои привычные места за столом.

– Наш папа сегодня выступал на радио, – объявила Зинаида.

– А я знаю, – отозвался Павел. – Пока возвращался домой в машине, как раз случайно слушал именно эту радиостанцию. Тебе, отче, досталась серьезная оппонентка, – засмеялся сын.

Почему-то Княгинину не очень понравилось, что сын слушал эту передачу. Следует признать, что он проявил себя в ней не самым лучшим образом. И не удивительно, он до сих пор чувствует себя несколько обескураженным, а его мысли то и дело возвращаются к этой дамочке. Уж лучше бы он отказался от участия в эфире.

– Я никогда ее раньше не слышал и не видел. А ты что-нибудь знаешь о ней?

– Разумеется, отче. Я даже когда учился в консерватории читал ее книгу. Между прочим, весьма толковую и интересную. Где-то она еще лежит у меня.

– Если не трудно, отыщи и дай мне.

– С трудом, но уговорил, отце, – снова засмеялся Павел.

Манера общения с ним сына давно не нравилось Княгинину, но он прекрасно понимал, что изменить уже ничего нельзя. Прошли те времена, когда он был для Павла непререкаемым авторитетом. Теперь же он видел, как быстро этот его авторитет исчезает в его глазах, а его место занимает насмешливая снисходительность. Вот только не совсем понятно, чем она вызвана.

– А что ты скажешь по поводу самой дискуссии? – не без колебания поинтересовался Княгинин.

– Мне кажется, в ее словах есть своя правота.

– О чем вы говорите, какая была тема передачи? – вмешалась жена.

– Музыка и деньги, мама, – пояснил Павел.

– Странная тема, – удивилась Зинаида.

– Почему странная, очень даже актуальная, – возразил сын.

– И в чем там соль? – спросила жена.

– По мнению оппонента отца, наши музыканты получают чересчур много, при этом далеко не всегда хорошо исполняют произведения. Говоря проще, халтурят, не дотягивают до тех гениев, чью музыку они играют.

– Какая чушь! – воскликнула Зинаида. – Никогда еще не слышала подобных бредней. Эта дама совсем не разбирается в музыке, если вещает подобные вещи. Жора, не общайся с ней больше никогда.

– Я и не собираюсь, – отозвался Княгинин. – Хотя то, что она не разбирается в музыке, в этом ты не права, Зина. Она судит о ней тонко и оригинально. Вот и Павел так считает.

– Ну, уж не знаю, в чем она разбирается, раз заявляет подобное. Если бы она трудилась так, как трудишься ты, Жора, она бы такое не говорила. А кто она?

– Проректор Музыкальной Академии.

Зинаида пренебрежительно вытянула ярко накрашенные губы.

– Тогда все понятно, – с явным облегчением произнесла она. – Я знаю этих господ и дам. Сами ничего не умеют, зато любят поучать других. Совершенно никчемный народ, я бы вообще не пускала их ни на радио, ни на телевидении. А она поди и там подвизается.

– Не знаю, Зина, – проговорил Княгинин.

– Да, она выступает по телеку, есть программа: «Музыка и цивилизация». Я несколько раз ее в ней видел, – проинформировал Павел.

– Вот видишь, – удовлетворенно произнесла жена, – я оказалась права. Представляю, что она там несет.

– Говорит вполне разумные вещи, – возразил сын.

– А ты молчи, – цыкнула на него мать.

– Могу и молчать, – без обиды в голосе произнес Павел. У него была одна особенность в характере – он крайне редко обижался, даже когда о нем говорили весьма нелицеприятно.

– Я знаю, чем вызваны ее такие заявления, – продолжила Зинаида. – Элементарной завистью. Тебя и твой оркестр знают во всем мире, естественно, что ты зарабатываешь хорошие деньги. Вот она и завидует тебе, ведь даже редкие появления на телевидении не делают ее знаменитой. А уж про доходы я и не говорю. Ну, сколько может получать проректор Музыкальной академии? Гроши.

– Насколько мне известно, люди такого ранга имеют неплохой оклад, – произнес Княгинин.

– Даже, если это и так, с твоими доходами ей никогда и ни за что не сравняться. А ничто так не вызывает завистливое чувство, как такое неравенство.

Княгинин не без удивления посмотрел на жену, его удивило то, что она так распалилась. У нее даже лицо покраснело, а глаза просто сверкали. Давно он не видел ее в таком состоянии. Даже не совсем понятно, что же вызвало его? Неужели несколько оброненных этой Наровлянской фраз? Или тут кроется что-то другое?

– Мне кажется, – произнес Княгинин, – мы чересчур много внимания уделяем этой теме и этой дамочке. Обсудили и достаточно. Мало ли кто что скажет.

– Я с тобой абсолютно согласна! – воскликнула жена. – Как говорят: на каждый роток не накинешь платок. Если прислушиваться к каждому недоброжелательному высказыванию, долго не протянешь. Я то прекрасно знаю, как завистлив мир искусства. Сама через это прошла. Ты же прекрасно это помнишь, Жора.

Княгинин, соглашаясь, кивнул головой. Мысленно же он не смог сдержать ухмылки. Карьера оперной дивы у жены не продолжалась и два года, после рождения Павла она навсе-

гда ушла со сцены. И хотя через некоторое время была реальная возможность на нее вернуться, она отказалась. В минуту откровенности Зинаида призналась, что ее не прельщает тот огромный труд, который требует от нее работа солистки оперы. Уж лучше она будет заниматься хозяйством, нарожает много детей, а вот он пусть добывается своего.

Однако, как вскоре выяснилось, особенно хозяйством заниматься ей тоже не нравилось; едва у них появились средства, она тут же наняла служанку и спихнула на нее почти все дела по дому. Рожать она тоже больше не желала, он не без труда уговорил ее на еще одного ребенка, в результате чего появилась дочь Виолетта. И больше производить потомство отказалась наотрез. А ему так хотелось еще одного сына. Но пришлось это желание задвинуть поглубже в свою душу. Зато что ей нравилось почти до безумия – участвовать в различных тусовках. На это у нее хватало и сил, и времени. Причем, если он не был на гастролях, она всегда брала его с собой. Отказы не принимались. Он прекрасно понимал мотивы ее поведения. Появление под руку со столь известной персоны, как он, сразу придавало жене небывалый вес. В этом случае она почти всегда тут же оказывалась в центре событий. Ему же было жалко растрчивать времени на эту пустоту, но он не сопротивлялся. Ведь он все же муж, а, следовательно, должен угождать второй половинке, делать ей приятное. Но горький осадок от такого времяпрепровождения накапливался постоянно.

– Помню, дорогая, помню, – не стал оспаривать Княгинин тезис жены. Он уже наелся, и теперь ему хотелось поскорее покинуть эту семейную трапезу. К тому же у него возникло желание поговорить с сыном, но наедине от всех. Это стремление, впрочем, возникло не сейчас, с некоторых пор у него стали накапливаться претензии к нему. Под разными предлогами он откладывал разговор, но сейчас вдруг понял, что делал это напрасно. Правда, ему не хотелось затрагивать некоторые темы, обсуждение их можно ненадолго отложить. К тому же ему хотелось поговорить о другом. Но он решил не форсировать события и дожидаться, когда ужин завершится и все разойдутся по своим резиденциям, как было принято у них говорить.

5.

Но сначала Княгинин решил зайти к дочери, за весь ужин она не проронила ни слова. Это ему не понравилось, он прекрасно знал, что Виолетта очень даже словоохотливая девушка. И может говорить часами. Причем, ни о чем. Значит, для ее молчания есть веские причины. Впрочем, о них было не так уж и трудно догадаться.

Карьера оперной певицы у дочери сразу же не заладилась. В Большой театр ее не взяли, хотя вся семья на это сильно надеялась. Жена просила его походатайствовать, но ему претил такой способ трудоустройства. К тому же как оказалось, у Княгинина там не было ни одного серьезного знакомства, а с теми, кого он знал, был не в таких отношениях, когда можно обращаться с подобными просьбами. Но Виолетта тогда обиделась на него, она не поверила, что отец был не в силах ей помочь, хотя он и пытался ее в этом разуверить. Пришлось ей довольствоваться не самой лучшей концертной деятельностью. Сейчас же наступил очередной важный этап, она готовилась к престижному международному конкурсу. Попасть в качестве участников на него было ничуть не легче, чем быть зачисленным в труппу Большого театра. Но на этот раз Княгинину удалось ей оказать содействие. Хотя если быть точным, это сделал Струмилин, он лишь обратился к своему директору с такой просьбой. Как тот сумел добиться почти невозможного, Княгинин не ведал, да и не очень хотел знать; он подозревал, что тот использовал крайне сомнительные методы. А если говорить прямо, кое-кого подкупил. Хотя Струмилин обычно не афишировал своих методов, с помощью которых он добивался нужных результатов, Княгинин все же представлял тот арсенал, который он использовал. Ему много раз хотелось поговорить с ним на эту тему, предостеречь и даже потребовать прекратить применять подобные способы. Но, во-первых, прямых доказательств у него не

было, а во-вторых, Владимир почти всегда добивался стоящих перед ними целей. И Княгинина это устраивало. Он понимал, что без своего финансового директора оркестр никогда бы не достиг ни такой известности, ни нынешнего материального благополучия. И тогда бы не было этого прекрасного, комфортабельного дома, ежегодного отдыха на лучших курортах мира, да и многого другого без чего он уже не представлял свою жизнь.

Княгинин постучался в дверь комнату дочери, получил приглашение войти. Виолетта лежала на постели и безучастно смотрела в потолок. Рядом с кроватью на полу валялась какая-то книга, но он вспомнил, что она лежала на том же месте, когда он пару дней заходил сюда.

– Ты весь ужин молчала? У тебя все в порядке?

Виолетта безучастно пожала плечами.

– Когда первый отборочный тур конкурса?

– Через неделю.

– Как ты чувствуешь, пройдешь?

– Не знаю, – сквозь зубы ответила Виолетта.

Княгинин не понравился ни сам ответ, ни тот тон, которым он был произнесен.

– Ты чувствуешь неуверенность?

– Да, – призналась она.

– Но почему? Ты занималась много времени с замечательным педагогом, она считает, что тебе по силам не только пройти в финал, но и занять призовое место.

– А что она еще может сказать, получив от нас столько бабок, – фыркнула Виолетта.

– А что ты думаешь сама?

– Мне не пройти.

– Почему?

– Там в жюри Дмитрий Юрьев.

– Но он же не должен был в нем участвовать.

– Его ввели в последний момент, кто-то заболел, вот и попросили. И мне по секрету сказали, что ему не нравится, как я пою.

Княгинин почувствовал беспокойство, он неплохо знал этого Юрьева, тот неоднократно участвовал в их совместных концертах. Он обладал непривычной для оперного певца то ли принципиальностью, то ли упрямством, его почти нельзя было ни в чем переубедить. На этой почве у них бывали даже стычки. Впрочем, это не мешало им с симпатией относиться друг к другу.

– Да, Юрьев это серьезно, – вынужден был признать Княгинин. – А ты не ошибаешься по поводу его мнения о тебе?

– Нет, тот, кто мне это сказал, знает точно. Папа, только ты можешь помочь. Вы же с ним почти друзья.

– Это далеко не так, доченька, мы всего лишь коллеги, которые иногда выступают вместе.

– Папа, я знаю, что он тебя очень уважает. Если я не выйду в финал и не займу там хорошее место, моей карьере конец.

Княгинин понимал, что дочь во многом права, неудач у нее больше, чем удач. И еще один неуспех, в самом деле, способен перечеркнуть все надежды на будущее. Его пронзила острая жалость к ней.

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь сделать, – неохотно произнес он.

Княгинин понимал, что на этот раз все придется делать самому, нельзя послать с этой миссии Струмилину. Юрьев его так сильно терпеть не может, что когда певец выступал вместе с оркестром, тому приходилось прятаться, чтобы он бы его не заметил. Хотя в чем при-

чина такого недоброжелательства, Княгинин не совсем понимал. Да, разговор предстоит не простой.

Виолетта соскочила с кровати и бросилась обнимать отца.

– Папочка, я знаю, ты у меня самый лучший!

Но он почему-то в этом был далеко не уверен.

Разговор с дочерью огорчил Княгинина, он было даже решил не заходить к сыну. Но затем передумал. Во-первых, нельзя позволять себе быть таким зависимым от своего настроения, во-вторых, с Павлом ему давно надо поговорить на разные темы. А он, Княгиным, под разными предложениями откладывает это мероприятие.

Сын лежал на кровати и слушал в наушниках музыку, поэтому Княгинин не мог узнать, какой репертуар Павел выбрал для прослушивания. Но он решил не спрашивать его об этом сейчас. Скорей всего полученный ответ станет еще одним поводом для расстройства. При виде сын даже не пошевелился.

– Можешь ненадолго прервать свое занятие? – спросил Княгинин.

Сын отложил наушники в сторону.

– Ты чего-то хочешь?

Манера сына задавать вопросы никогда не нравилась Княгинина, а сейчас его слова особенно сильно резанули слух.

– Я твой отец, поэтому всегда что-то хочу от тебя. Или тебе это кажется странным?

– Немного.

– Вот как? – удивился Княгинин. – И что в этом странного?

– Мы оба уже взрослые люди. У каждого своя жизнь.

– То, что взрослые, сомнений нет. Но ты не забыл, что работаешь в моем оркестре.

– Помню, папа.

Что-то странное прозвучало в голосе сына, но Княгинин решил, что пока не станет уточнять, что это может означать. Его не оставляло предчувствие, что Павел еще доставит ему неприятности.

– Ладно, про твою жизнь в моем оркестре мы еще скоро поговорим, – произнес Княгинин. – А сейчас хочу поговорить о другом.

– Знаю, о чем. О Наровлянской.

Проницательность Павла не слишком порадовала Княгинина.

– Да, о ней.

– Что задела? – Павел насмешливо посмотрел на отца.

– Не носи чушь. Просто эта дама сказала странные вещи. Вот хочется понять, чтобы это значило.

– Говорить странные вещи она умеет.

– Откуда знаешь?

– Я же кончил Музыкальную Академию. Или ты забыл?

– Тогда ты ее должен хорошо знать.

Павел отрицательно покачал головой.

– Она у нас не преподавала. Лишь пару раз читала лекции взамен заболевших преподавателей.

– И как?

– Очень интересно, слушали даже те, кто никогда не слушал никаких лекций. Мы даже просили деканат, чтобы она стала нашим постоянным лектором, но не вышло.

– Почему?

– А мне откуда знать. Может, она не захотела, может, деканат был против. Там знаешь, какие бывают преподаватели, пни и то полезней. Куда-то надо было их девать.

– Но это заведение славится качеством обучения, – не поверил Княгинин.

– Ха, – засмеялся сын, но почти сразу же стал серьезным. – Вообще-то, как повезет. Там есть хорошие преподаватели, есть так себе, а есть никудышные. Такая там странная политика, держат всех.

– Действительно странная. А какие были у тебя преподаватели?

– И плохие и хорошие. Всей твари по паре, – засмеялся Павел.

– Может, напрасно ты туда поступил, можно было выбрать другое учебное заведение.

– Не бери в голову, все нормально. Пределу совершенства все равно нет.

– Но это не исключает необходимости постоянного совершенствования.

Павел на мгновение задумался.

– Что-то похожее говорила и она. Так что ваши взгляды сходятся.

– Возможно, – пробормотал Княгинин. – Ты, кажется, говорил, что у тебя есть ее книга.

– Где-то завалялась. Поискать?

– Сделай одолжение. Любопытно, что она пишет.

Павел встал и стал рыться на книжной полке. Ему хватило пару минут, чтобы отыскать нужный том.

– Возьми, – протянул он отцу книгу. – Можешь не отдавать. Мне вряд ли она пригодится.

– Спасибо, почитаю. Не забыл, завтра репетиция.

– Такое разве забудешь, папа, – засмеялся Павел.

Глава вторая

1.

Дина любила минуты, когда она ни о чем не думала. Понятно, что мысли все равно приходили, по иному быть и не могло, но они не оставляли никакого следа, как легкое волнение ветра на поверхности океана. То были самые приятные секунды отдыха, и она с предвкушением ждала, когда они наступят, когда появится возможность пусть ненадолго отрешиться от этого мира. А в последнее время такое желание возникало все чаще, так как он все настойчивей и без всякого спроса лез к ней со своими скучными, унылыми, как осенний день, проблемами.

Она поймала такси, как обычно села на заднее сиденье. Откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Вот-вот должно было наступить блаженное состояние. Но прошла минута, другая, пять минут, а Дина все никак не могла в него погрузиться. Какая-то сила выталкивала ее из него.

Она открыла глаза, недовольно посмотрела на толстый затылок шофера, как будто бы он был виноват в том, что у нее ничего не получается. Сегодня она явно выведена из своего обычного состояния, а все из-за этой дурацкой радиопередачи. После ее окончания прошло уже больше получаса, а ее не оставляет чувство, что она все еще находится в студии и ведет дискуссию с этим дирижером. За это время она уже много раз себя прокляла за свои неосторожные высказывания. А все потому, что у нее длинный язык. Он ее уже много раз подводил, после чего она всегда раскаивалась в своей несдержанности. Правда, с какого-то момента она твердо решила, что возьмет себя в руки и не станет говорить ничего лишнего. Сначала ей казалась, что задача практически неразрешимая, но к ее изумлению она быстро научилась контролировать себя. А вот только что не сдержалась, без всякого сомнения, ляпнула лишнее. Не случайно же этот Княгинин буквально взвился, достаточно было на него посмотреть, чтобы понять, как сильно задела его ее слова. Тут же, словно разъяренный тореадором бык, пошел в наступление, только вот ничего доказать так и не смог. Единственное, что радует в этих обстоятельствах только то, что она из их поединка вышла победительницей. Это было даже заметно по его виду, он явно выглядел растерянным и обескураженным. И не знал, что сказать по существу. Ей даже на какое-то мгновение стало жалко его; когда он сюда ехал, то, конечно, не ожидал, что столкнется с такой язвительной особой. Привык, что все с восторгом заглядывают ему в рот, слушают, как оракула любую чушь, которую он изрекает. Хотя ради справедливости следует отметить, что на дурака он не похож, скорее давно не сталкивался с достойным соперником. Другое дело, что он, как и другие его коллеги, незаметно для себя увлекся больше зарабатыванием денег, чем музыкой. Она давно заметила это явление, даже хотела написать книгу именно с таким названием: «Деньги и музыка». Тема интересная и плохо еще изученная, так что этот труд имел все шансы на успех. Да вот только приступить к работе мешает природная лень. Сколько же она погасила ее замечательных порывов и планов, даже сказать трудно. В ней всегда боролись две сильные стихии: желание что-то сделать и желание ничего не делать. Побеждал то один, то другой участник этого противоборства. И она до сих пор не знала, на чью сторону встать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.